

Вэнь Яо в душе презирал её — такая уродливая, только и знает, что злоупотреблять своим положением!

Но ему приходилось покорно слушаться её, ведь он вовсе не хотел в это раннее зимнее время снова оказаться под струёй холодной воды или быть выгнанным со съёмочной площадки!

Поэтому он избегал Бай Юйманя.

Во время работы, как только заканчивались съёмки, он сразу же уходил отдыхать, держась подальше от Бай Юйманя. Даже если тот хотел поговорить с ним, Вэнь Яо находил предлог, чтобы улизнуть, например:

— А, у меня болит живот, учитель Бай, поговорим позже.

— Извините, учитель Бай, мне срочно нужно позвонить!

Или же просто игнорировал Бай Юйманя, делая вид, что не слышит, и уходил.

Он не решался смотреть на выражение лица Бай Юйманя. Если бы он увидел его смущённое или недовольное лицо, ему стало бы ужасно грустно!

Угугу.

Брат посоветовал мне прийти в эту съёмочную группу, а я даже не поблагодарил его как следует...

Такая мощная поддержка постоянно перед глазами, а я не могу ею воспользоваться, это просто ужасно!

Ранняя зима, стало холодно.

Фэй Ши в последние дни чувствовал себя так, будто оказался на Южном полюсе.

Настроение Бай Юйманя было ужасным.

Поэтому то он заставлял его покупать то одно, то другое, то постоянно указывал на его недостатки, не говоря уже о таких мелочах, как вход с левой ноги, что вызывало его недовольство.

Особенно когда Бай Юймань был одет в чёрный императорский наряд, его макияж был изысканно красив и слегка зловещ, а его взгляд, смотрящий на людей, был настолько пронзительным, что ноги подкашивались. В такие моменты Фэй Ши чувствовал себя главным евнухом при дворе, и фраза «служить императору — всё равно что жить рядом с тигром» как нельзя лучше описывала его положение!

— Фэй Ши!

— Да... а, нет, я здесь, здесь!

Бай Юймань сидел на диване в своём фургоне, его чёрные глаза были холодны:

— Сходи к режиссёру и скажи, что я считаю, что последняя сцена Вэнь Яо снята плохо, нужно переснять.

— А?.. Хорошо.

— И ещё, не говори, что это я сказал. Пусть он уделит Вэнь Яо больше внимания.

— Хорошо.

Фэй Ши вышел из фургона, недоумевая — разве недавно его босс не был в хороших отношениях с Вэнь Яо? Они даже называли друг друга братьями. Почему же в последние дни Вэнь Яо будто избегает босса, а теперь босс ещё и хочет его подставить?

Очень странно.

Когда Вэнь Яо получил уведомление от помощника режиссёра, он был в полном унынии.

Ему и так было тяжело, почему же работа тоже не ладится?

Толстая помощница, которую он называл сестрой Луной, вообще не работала, а только ела его закуски, сидя на диване и листая Douyin или Taobao.

Иногда она даже заставляла его выполнять её поручения.

Но он не смел сопротивляться, с одной стороны, потому что она была очень грубой, а с другой — её прислал какой-то Су, и он боялся, что, если её обидит, Су выгонит его из съёмочной группы.

Он мог только мысленно ругаться: «Ты, жирная свинья Ван Сюхун, сдохни от жира!»

Жизнь и так была тяжёлой, почему же режиссёр тоже решил его обидеть?

Главное, что эта сцена была с Бай Юйманем, где они играли принца и императора, разговаривающих в императорском саду. Принц Сюэ Янь всё время стоял на коленях, а император не позволял ему встать. Он снимал эту сцену уже семь раз, колени покраснели и болели, но режиссёр всё не говорил «снято». Мало того, что он не говорил «снято», он ещё и ругал его:

— Вэнь Яо, что ты делаешь? Умеешь ли ты вообще сниматься? Почему с каждым разом у тебя всё хуже получается?

Вэнь Яо было больно в коленях, его ругали, он злился и расстраивался, его лицо то краснело, то бледнело, но он не смел оправдываться, только сквозь зубы говорил:

— Извините, я постараюсь лучше.

Сначала он был полон уверенности в себе, но режиссёр всё время был недоволен, и он терял уверенность, делал ошибки, и с каждым разом снимал всё хуже.

Окружающие смотрели на него, и Вэнь Яо чувствовал, что они все смеются над ним, презирают его.

Как в детском доме, когда его ругала самая ненавистная воспитательница, а плохие дети стояли рядом и хихикали, злорадствуя.

— Разве это так сложно?

Вэнь Яо вздрогнул и поднял голову. Бай Юймань смотрел на него, императорская властность и угроза исчезли, на его красивом лице была лёгкая морщинка:

— Давай найдём место и потренируемся отдельно.

Он машинально оглянулся на Луну, но та, видимо, ленилась и отсутствовала на своём месте. Внутри него вспыхнула радость, и на его лице, словно цветок, расцвела надежда:

— Хорошо, хорошо, спасибо, брат!

Его большие чёрные глаза, всё ещё красные по краям, светились радостью, а на его бледном лице появился блеск, будто он ухватился за соломинку.

Трудно было не почувствовать желание защитить его, глядя на такое выражение лица.

Бай Юймань внешне оставался спокоен, только его чёрные глаза пристально смотрели на него, глубокие и тёмные.

Они вошли в комнату отдыха, выделенную Бай Юйманю съёмочной группой:

— Брат, спасибо, что порекомендовал мне этот проект, я действительно очень стараюсь сыграть хорошо...

Вэнь Яо смотрел на него своими круглыми кошачьими глазами, полными слёз, жалобно и старательно.

— Да, я знаю.

Бай Юймань запер дверь и медленно повернулся:

— Тогда начнём прямо сейчас, хорошо? Нужно побыстрее, побыстрее...

Ни в коем случае нельзя, чтобы Луна увидела его с Бай Юйманем, иначе ему конец!

Чёрные глаза Бай Юйманя пристально смотрели на его взволнованное лицо, но он не поддавался, опустив голову, он медленно поправлял свои смятые рукава чёрного императорского наряда:

— Не торопись, я уже поговорил с режиссёром, у нас есть как минимум час.

— Час?! А Луна не увидит?!

Вэнь Яо поспешно сказал:

— Нет, нет, мы не можем заставлять режиссёра ждать, нужно побыстрее...

— Ты это мне приказываешь?

Вэнь Яо замер. Бай Юймань внезапно стал таким холодным, его чёрные глаза излучали ледяной блеск, и он почувствовал дрожь внутри. Он вдруг вспомнил, как в тот день, когда он спал на кровати Бай Юйманя, тот смотрел на него так же.

Ему казалось, что Бай Юймань сильно разозлился.

Сейчас он будет ругать его?

Вэнь Яо немного испугался, его лицо побледнело, а уголки его круглых кошачьих глаз покраснели:

— Нет, брат, я просто тороплюсь, хочу хорошо сыграть...

Бай Юймань сделал шаг вперёд, он был на голову выше Вэнь Яо, и, одетый в чёрный императорский наряд, смотрел на него свысока, заставляя его дрожать, будто он действительно был императором, решающим судьбы людей:

— Врёшь.

Бай Юймань схватил его за острый подбородок, сжимая его с силой, его лицо было холодным:

— Я вижу, ты просто используешь меня. Я рекомендовал тебя в съёмочную группу, а ты оттолкнул меня и больше не обращал на меня внимания. А теперь снова хочешь использовать меня, быстро закончить сцену и убежать, да?

Вэнь Яо замер.

Но Бай Юймань усилил хватку, и рука, сжимающая его подбородок, казалось, вот-вот сломает его. Ему было больно и страшно, а в душе он чувствовал обиду, и слёзы быстро наполнили его глаза:

— Брат, больно... Это не так, это не так...

— Тогда как?

Голос Бай Юйманиа стал чуть мягче, будто он подбадривал его продолжать:

— Это... это тот самый Су...

Вэнь Яо решил выложить всё, он закрыл глаза, и слёзы сразу же намочили его длинные чёрные ресницы:

— Это он сказал мне не приближаться к тебе!

Зрачки Бай Юйманиа расширились, и он быстро нахмурил свои красивые брови:

— Ты имеешь в виду Су Чи?

Вэнь Яо даже не знал, как его зовут, он открыл глаза, и его большие чёрные глаза непрерывно лили слёзы:

— Я не знаю, как его зовут... Он такой злой, обижает меня, на той вечеринке он сказал, что я подражаю тебе, и опустил меня под холодную воду, предупредил, чтобы я не подражал тебе. А несколько дней назад он снова предупредил меня, чтобы я не приближался к тебе, иначе выгонит меня из съёмочной группы... Угугу, он ещё прислал ко мне помощницу, эту Ван Сюхун, которая вообще не работает, ест мои закуски и заставляет меня работать... Угугу, вы все меня обижаете, он тоже сжимал мой подбородок, мне так больно...

Он был полон обиды, плакал и говорил, его слова были бессвязными, но Бай Юймань всё понял.

Это Су Чи вмешался.

Вэнь Яо всё ещё плакал, казалось, что за последние дни он действительно сильно пострадал.

Бай Юймань уже отпустил его, достал свой носовой платок и вытер ему слёзы, но его кошачьи глаза, словно родник, продолжали лить слёзы.

— Я ошибся насчёт тебя.

Бай Юймань, казалось, вздохнул.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16389/1483847>